

Жорж
Сименон

МЕГРЭ
И СТРОПТИВЫЕ
СВИДЕТЕЛИ

Комиссар Мегрэ

Жорж Сименон

Мегрэ и строптивные свидетели

«Азбука-Аттикус»

1959

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

Сименон Ж.

Мегрэ и строптивные свидетели / Ж. Сименон — «Азбука-Аттикус», 1959 — (Комиссар Мегрэ)

ISBN 978-5-389-15429-2

Предлагаем вашему вниманию повесть Ж. Сименона «Мегрэ и строптивные свидетели». Комиссар Мегрэ носит давно вышедшие из моды котелок и пальто, не расстается с трубкой, предпочитает дождливую погоду, обожает греться у огня и ходить, заложив руки за спину. Мрачный, немногословный, он обладает редким даром внушать доверие, ему известны тайные пружины человеческой драмы. Разгадывая самые сложные преступления, распутывая самые причудливые интриги, Мегрэ руководствуется одним безотказным принципом: чтобы найти виновных, нужно прежде всего понять смысл их поступков...

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

ISBN 978-5-389-15429-2

© Сименон Ж., 1959
© Азбука-Аттикус, 1959

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Жорж Сименон

Мегрэ и строптивные свидетели

Georges Simenon

MAIGRET ET LES TEMOINS RECALCITRANTS

Copyright © 1959, Georges Simenon Limited

GEORGES SIMENON ®

MAIGRET ® Georges Simenon Limited

All rights reserved

Перевод с французского Е. Якушкиной

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство Иностранка ®

© Е. Якушкина (наследник), перевод, 2017

* * *

Глава 1

– Ты взял зонтик?

– Да.

Дверь уже закрывалась, и Мегрэ двинулся к лестнице.

– Не надеть ли тебе шарф?

И она бросилась за шарфом, не подозревая, что эта простая фраза может выбить его из колеи и надолго испортить настроение.

Стоял ноябрь, 3 ноября, но было еще довольно тепло. Только непрерывно шел дождь; падая с низкого серого неба, он казался в это раннее утро особенно неприятным и надоедливым.

Вставая сегодня с постели, Мегрэ болезненно поморщился, так у него одеревенела шея. Конечно, это нельзя было назвать невралгией, просто он неловко повернул голову, отсюда и появилось это неприятное ощущение.

Дождь моросил и вчера вечером, когда они с женой долго шли по бульварам, возвращаясь из кино.

Все это, конечно, не имеет значения, но из-за этого шарфа, плотного шарфа, связанного мадам Мегрэ, он вдруг почувствовал себя старым.

Спускаясь по лестнице, затем шагая по улице под зонтиком, он все еще вспоминал вчерашний разговор с женой о том, что через два года ему надо выходить на пенсию.

Они вместе порадовались этому, а потом долго, неторопливо строили планы, говорили о деревне, в которой будут жить на берегу Луары – эти места они оба любили.

Мальчишка с непокрытой головой, бежавший навстречу, налетел на него и даже не извинился. Молодожены, тесно прижавшись друг к другу, шли под одним зонтиком – должно быть, всегда ходят на работу вместе.

Вчера было воскресенье – более унылое, чем обычно, возможно, потому, что в этом году на него пришелся день поминовения усопших. Мегрэ готов был поклясться, что и сегодня утром в воздухе еще чувствовался запах хризантем. Они с женой смотрели из окна на людей, которые целыми семьями направлялись на кладбище, а из их близких никто не был похоронен в Париже.

На углу бульвара Вольтера, на остановке, настроение у него испортилось еще больше при виде огромного автобуса нового образца. Значит, ему не придется стоять на площадке, и он будет вынужден погасить трубку.

У каждого из нас бывают такие дни, правда?

Ну, ничего, они скоро пройдут, эти два года, и тогда ему не нужно будет надевать толстый шарф, выходя утром под этот противный дождь, чтобы шагать через весь Париж, который иногда, как сегодня, бывает черно-белым, словно в старом немом фильме.

Автобус был битком набит молодежью: одни узнавали комиссара, а другие не обращали на него никакого внимания.

На набережной дождь показался ему еще более упрямым и холодным. Мегрэ углубился под своды здания сыскающей полиции, где вечно гулял сквозняк, быстро поднялся по лестнице и тотчас же, вдохнув привычный запах и увидев тусклый свет еще горящих ламп, ощутил грусть при мысли, что скоро ему уже не придется приходить сюда каждое утро.

Старый Жозеф, который по таинственным причинам избежал ухода на пенсию, поклонился ему с видом сообщника:

– Вас дожидается инспектор Лапуэнт, господин комиссар.

Как всегда по понедельникам, в приемной и просторном коридоре в этот ранний час уже собралось много народу. Несколько незнакомых лиц, среди них две или три молодые дамы –

их странно было видеть здесь, – и в основном завсегда, которых часто можно встретить в сыскной полиции.

Он вошел в свой кабинет, повесил в стенной шкаф пальто, шляпу, пресловутый шарф, хотел открыть зонтик и поставить его в угол сушиться, как ему наказывала мадам Мегрэ, но раздумал и тоже сунул его в шкаф.

Было около половины девятого утра. Почта ждала его на столе. Открыв дверь в комнату инспекторов, он сделал приветственный жест Люка и всем остальным.

– Скажите Лапуэнту, что я пришел.

Конечно, они немедленно начнут шептаться, что патрон встал сегодня с левой ноги, а ведь это было не совсем так. Случается, что именно те дни, когда ты ворчишь, обижаешься, вспоминаются много времени спустя как самые счастливые дни твоей жизни.

– Доброе утро, патрон!

Лицо у Лапуэнта было усталое, но глаза, покрасневшие от бессонной ночи, радостно блестя. Он прямо дрожал от нетерпения.

– Я его поймал!

– Где он?

– В закутке, в конце коридора, под охраной Торранса.

– В котором часу?

– В четыре утра.

– Он тебе все рассказал?

– Я велел принести кофе, потом около шести утра легкий завтрак на двоих, и мы болтали, как старые друзья.

– Давай его сюда.

Это была хорошая работа. Вот уже несколько лет Грегуар Бро, известный под кличкой Терпеливый, а также часто именуемый Каноником, безнаказанно действовал в чужих квартирах, никогда не попадаясь на месте преступления.

Его поймали единственный раз, двенадцать лет назад, застав на месте преступления, но, отбыв срок, он снова принялся за старое, ничего не меняя в своих привычках.

Он вошел в кабинет следом за сияющим Лапуэнтом, у которого был такой торжествующий вид, как будто он поймал самую большую в мире форель или щуку. Каноник смущенно остановился перед Мегрэ, углубленным в бумаги.

– Садись.

Комиссар спросил, дочитывая письмо:

– У тебя есть сигареты?

– Да, месье Мегрэ.

– Можешь закурить.

Арестованный был толстым парнем сорока трех лет, с двойным подбородком, носом картошкой и детским ртом. Должно быть, он был толстым с детства. Его светлая, розоватая кожа легко краснела.

– Итак, ты наконец попался?

– Да, попался.

В первый раз его арестовал сам Мегрэ, с тех пор они часто встречались и дружелюбно раскланивались.

– Ты снова принялся за старое! – говорил комиссар, намекая на очередное таинственное ограбление квартиры.

В ответ Каноник отмалчивался, скромно улыбаясь. Невозможно было ничего доказать. И все-таки, хотя не было никаких очевидных улик, сомнений не оставалось: подобные ограбления как бы носили его подпись.

Каноник всегда работал один, подготавливая каждую кражу с необычайной тщательностью и терпением. Он был человеком спокойным от природы, без пороков и страстей, с крепкими нервами.

Большую часть времени он проводил в углу бара, кафе или ресторана, как будто погруженный в чтение газеты или подремывая, но на самом деле, обладая тонким слухом, не пропускал ни одного слова из разговоров своих соседей.

Он также был страстным читателем еженедельников, в которых тщательно изучал светскую хронику, и потому был прекрасно осведомлен об отъездах и приездах всех видных лиц.

Затем в один прекрасный день в сыскной полиции раздавался телефонный звонок какой-нибудь знаменитости, актера или кинозвезды, которые, вернувшись из Голливуда, Лондона, Рима или Ниццы, находили свою квартиру ограбленной.

Мегрэ не нужно было дослушивать до конца жалобы пострадавших. Он сразу спрашивал:

– Холодильник?

– Пуст.

Домашний бар был также пуст, кроме того, можно было быть уверенным, что на кровати спали и пользовались пижамой, халатом и домашними туфлями хозяина дома.

Это и было «подписью Каноника» – привычкой, появившейся с самого начала его «деятельности». Возможно, прежде он действительно голодал и нуждался в теплой постели. Убедившись, что квартира осталась пустой на несколько недель, что в ней нет слуг, что консьержке не поручили ее проветривать, он проникал в нее без отмычек, ибо ему были известны тайны всех замков.

Очувтившись на месте, он не спешил складывать вещи, драгоценности, картины, безделушки, а располагался надолго, вернее, на то время, которое было необходимо, чтобы прикончить все съестные припасы.

Случалось, что после его пребывания обнаруживали до тридцати пустых консервных банок, а также изрядное количество пустых бутылок. Он читал книги. Он спал. Он блаженствовал в ванной и при этом никогда не возбуждал подозрения соседей.

Затем он отправлялся к себе домой и снова возвращался к своим повседневным привычкам. По вечерам он посещал подозрительный бар на авеню Де-Терн, где играл в белот. Всегдагатаи бара относились к нему с уважением, хотя и несколько недоверчиво, потому что он всегда работал один и никогда не рассказывал о своих подвигах...

– Она вам позвонила или написала?

Он задал этот вопрос с той грустью, которая напомнила Мегрэ его собственное недавнее настроение.

– О чем ты спрашиваешь?

– Вы сами знаете, месье Мегрэ. Без нее вам бы меня не поймать. Ваш инспектор, – он повернулся к Лапуэнту, – караулил на лестнице еще до моего прихода, и я думаю, что его коллега стоял на улице. Не так ли?

– Да, так.

На самом деле Лапуэнт провел не одну, а две ночи на лестнице дома в Пасси, в котором находилась квартира некоего месье Элевара. Этот Элевар уехал в Лондон на две недели. В газетах сообщали о его отъезде в связи с договором, который он заключил на постановку фильма с участием знаменитой кинозвезды.

Каноник никогда не спешил «въезжать» в квартиру сразу же после отъезда хозяев. Он выжидал некоторое время, принимал меры предосторожности.

– Я ломаю себе голову, как это я сразу не заметил вашего инспектора... Теперь, конечно, не важно!.. Получил хороший урок... Так она вам позвонила?

Мегрэ отрицательно покачал головой.

– Значит, написала?

Мегрэ кивнул.

– Вы, наверное, не можете показать мне ее записку? Хотя она, конечно, изменила почерк? Положим, она даже не потрудилась это сделать, но не стоит ему рассказывать.

– Я так и думал, что это случится в один прекрасный день, только не хотел верить... Она просто уличная девка, извините за выражение... И однако, я не обижаюсь на нее... Я был счастлив целых два года, правда...

Долгие годы ничего не было известно о его любовных связях. И вдруг на сорок первом году жизни он внезапно поселился с девицей по имени Жермен, которая была моложе его на двадцать лет и незадолго до их знакомства ежедневно прогуливалась по авеню Ваграм.

– Ты женился на ней? В мэрии?

– Даже в церкви. Она же из Бретани. Она, наверное, уже переехала к Анри?

Он имел в виду молодого сутенера по прозвищу Анри – мой глазок.

– Нет, это он перебрался в твою квартиру.

Каноник не возмущался, не клял судьбу, он обвинял в случившемся одного себя.

– Сколько я заработаю?

– От двух до пяти. Инспектор Лапуэнт допросил тебя?

– Да. Он записал все, что я ему рассказал.

Раздался телефонный звонок.

– Алло! Комиссар Мегрэ слушает.

Он слушал, нахмутив брови.

– Повторите фамилию, пожалуйста.

Он подвинул к себе блокнот и записал: «Ляшом».

– Набережная Де-ля-Гар?.. В Иври? Хорошо... Врач уже прибыл?.. Констатировал смерть?..

Каноник сразу отодвинулся на второй план, и казалось, что он сам это почувствовал: он поднялся с места, не ожидая разрешения.

– Я полагаю, у вас есть другие дела...

Мегрэ обратился к Лапуэнту:

– Отведи его в камеру, а сам немедленно отправляйся спать!

Мегрэ открыл шкаф, чтобы взять пальто и шапку, но внезапно повернулся и протянул руку толстяку с розовыми щеками.

– Не наша вина, старик.

– Я знаю.

Мегрэ не надел шарфа. Проходя через комнату инспекторов, он позвал Жанвье, который только что пришел и был еще свободен.

– Пойдешь со мной.

– Хорошо, патрон.

– А ты, Люка, позвони в прокуратуру. На набережной Де-ля-Гар, в Иври, убит человек выстрелом в сердце. Его фамилия – Ляшом. Кондитерская фабрика Ляшом...

Это имя напомнило ему детство, проведенное в деревне. В то время во всех полутемных деревенских лавчонках, где рядом с овощами продавались галоши и нитки, всегда можно было найти обернутые в целлофан пачки печенья с этикеткой «Кондитерская фабрика „Ляшом“». Там было и сухое печенье «Ляшом», и вафли «Ляшом», впрочем, и то и другое имело одинаковый картонный привкус.

С тех пор он никогда не слышал этого имени и не видел картинок, на которых был изображен мальчуган с чрезмерно красными щеками, с идиотской улыбкой, поглощающий вафли «Ляшом». И только изредка в какой-нибудь заброшенной деревне можно было еще встретить эту фамилию, написанную полустертymi буквами на старой кирпичной стене.

– Предупреди оперативный отдел.

– Хорошо, патрон.

Люка снял телефонную трубку. Мегрэ и Жанвье спускались по лестнице.

– Возьмем машину?

Утренняя меланхолия Мегрэ совершенно рассеялась в привычной атмосфере сыскной полиции. Будничные заботы заполнили его мысли, ему было некогда задумываться о своей жизни, решать личные вопросы.

Воскресенье – опасная вещь и даже вредная! В машине он закурил трубку, которая снова обрела привычный вкус, и спросил Жанвье:

– Ты слышал о бисквитах «Ляшом»?

– Нет, патрон.

– Ясно. Ты слишком молод!

А может быть, их просто никогда не продавали в Париже? Существует множество изделий, которые производят специально для провинции. А бывает, что вещи, совсем вышедшие из моды, продолжают изготавливать для определенной клиентуры. Он вспомнил о знаменитых во времена его молодости аперитивах, нынче их можно найти только в заброшенных трактирах, стоящих далеко от больших дорог.

Переехав через мост, они не смогли сразу свернуть на набережную из-за одностороннего движения, и Жанвье пришлось изрядно покрутиться, прежде чем они снова выехали к Сене напротив Шарантона. На той стороне был ясно виден старый винный рынок, а левее – железнодорожный мост, на который медленно взбирался поезд.

Там, где некогда стояли редкие особняки, выселись теперь шести-семиэтажные доходные дома, в нижних этажах которых разместились магазины и бистро. И все же то там, то здесь еще виднелись пустыри, мастерские, несколько одноэтажных домишек.

– Какой номер?

Мегрэ ответил, и они остановились перед домом, который некогда выглядел богатым. Трехэтажный особняк, сложенный из камня и кирпича; позади него высилась огромная труба, напоминающая фабричную. Около ворот стояла машина. Полицейский агент прохаживался взад и вперед по тротуару. Трудно было определить, находится этот дом в Париже или уже в Иври. Очевидно, именно эта улица и была границей, отделяющей пригород от столицы.

– Здравствуйте, господин комиссар. Вас ждут наверху. Калитка не заперта.

Ворота, выкрашенные в зеленый цвет, казались очень большими. Мегрэ и его спутник вошли в узкую калитку и сразу же очутились под сводами, похожими на своды сыскной полиции, только с той разницей, что здесь туннель заканчивался двумя дверями с облезлыми матовыми стеклами. Одно стекло было выбито и заделано куском картона.

Было холодно и сыро. Мегрэ не мог сразу решить, в какую из дверей войти. Наконец он выбрал правую и, по-видимому, не ошибся, потому что перед ними открылось нечто вроде холла с широкой лестницей, идущей вверх.

Стены, некогда белые, давно пожелтели и были покрыты коричневыми потеками. Штукатурка потрескалась и во многих местах отвалилась большими кусками. Первые три ступени были из мрамора, остальные – деревянные, давно не мытые, они громко скрипели под ногами.

Кто-то стоял наверху. Молодой человек с усталым лицом смотрел на них, перегнувшись через перила. Как только Мегрэ вступил на площадку второго этажа, он представился:

– Легран, секретарь комиссариата Иври... Наш комиссар ждет вас...

И снова холл, выложенный мраморными плитами, окна без штор, за которыми видны Сена и дождь.

Дом оказался громадным, с широкими коридорами, по обеим сторонам которых шли двери, как в административных зданиях, и везде тот же запах очень старой пыли.

В конце какого-то узкого коридора секретарь свернул налево и, постучав в дверь, сразу же открыл ее. Они очутились в темной спальне, освещенной тусклой электрической лампочкой.

Окно спальни выходило во двор, и сквозь посеревшую от пыли муслиновую занавеску была видна труба, которую Мегрэ заметил еще с улицы.

Он был шапочно знаком с комиссаром района Иври, который не принадлежал к его поколению и, должно быть, поэтому пожал ему руку с преувеличенной почтительностью.

– Я прибыл немедленно... сразу же после телефонного звонка...

– Доктор уже уехал?

– У него был срочный вызов. Я не считал необходимым его задерживать, так как с минуты на минуту должен появиться судебно-медицинский эксперт.

Убитый лежал на кровати. Кроме полицейского комиссара, в комнате никого не было.

– А семья?

– Я отправил их в гостиную, – возможно, они разошлись по своим комнатам. Я думал, что вы предпочтете...

Мегрэ вынул из кармана часы. Было без четверти десять...

– Когда вас вызвали?

– Приблизительно час тому назад. Я только что вошел к себе в кабинет, как позвонили моему секретарю и попросили меня приехать сюда.

– Вам известно, кто звонил?

– Да. Брат покойного, Арман Ляшом.

– Вы его знаете?

– Только по имени. Он иногда заходил в комиссариат, чтобы заверить подпись или для других формальностей. Это люди, которых не замечаешь...

Эта фраза поразила Мегрэ: «Люди, которых не замечаешь».

Он понял, что хотел сказать комиссар, потому что этот дом, так же как этикетки кондитерской «Ляшом», казались чем-то бесконечно старомодным, совершенно чуждым современному миру.

Мегрэ давным-давно не видел такой спальни, сохранившей во многих мелочах облик прошлого столетия. В ней даже стоял умывальник с ящиками, облицованный серым мрамором, с фаянсовым тазом и таким же кувшином, украшенным крупными рисунками цветов, с мыльницами и подставкой для гребня из того же фаянса.

Сама по себе мебель, возможно, и не была уж такой безобразной. Некоторые предметы могли бы даже высоко оценить на аукционах или в антикварных магазинах, но все в целом производило впечатление чего-то мрачного, тоскливого, бесконечно угнетающего.

Казалось, что когда-то, очень давно, жизнь в этой комнате остановилась, не жизнь человека, лежащего на кровати, а жизнь всего дома, всего этого мира, и сама фабричная труба, видневшаяся в окно, с выложенной на ней коричневыми кирпичами огромной буквой «Л» была нелепой и такой же безнадежно устарелой.

– Имело место ограбление?

Ящики стола были выдвинуты. У распахнутой дверцы шкафа валялись на полу галстуки и белье...

– Исчез бумажник.

– Кто он такой? – Мегрэ указал на труп, лежащий на кровати. Простыни были смяты. Подушка свалилась на пол. Рука мужчины свесилась с кровати. На разорванной или сожженной выстрелом пижаме виднелись следы крови.

Если сегодня ранним утром окутанный туманом Париж напомнил Мегрэ о контрастных черно-белых тонах старых немых фильмов, то в этой комнате у него внезапно возникло воспоминание об иллюстрированных воскресных газетах начала века, когда вместо фотографий публиковали гравюры, изображавшие драматические происшествия недели.

– Это Леонар Ляшом. Старший сын Ляшомов.

– Женатый?

- Вдовец.
- Когда это произошло?
- Сегодня ночью. По мнению доктора Вуазена, смерть наступила около двух часов ночи.
- Кто в это время находился в доме?
- Минуточку... Старики, отец и мать, в верхнем этаже, в левом крыле дома... Значит, уже двое... Мальчуган...
- Какой мальчуган?
- Сын убитого... Мальчик лет двенадцати. Сейчас он в школе...
- Несмотря на смерть отца?
- По-видимому, никто еще ничего не знал в восемь часов утра, когда мальчик обычно уходит в школу.
- Значит, никто ничего не слышал?.. Кто еще находился в доме?
- Служанка... Ее зовут Катрин... Она спит наверху в левом крыле, там же, где старики и мальчик... Кажется, она одного возраста с этим домом, такая же ветхая, как все здесь... Есть еще младший брат... Арман...
- Чей брат?
- Убитого... Его спальня в другом конце этого коридора. Он женат...
- Значит, все они ночью были дома и выстрел никого не разбудил?
- Так они утверждают. Я ограничился тем, что задал им несколько вопросов... Это весьма сложно... Увидите сами!
- Что сложно?
- Выяснить что-либо! Когда я приехал, то еще не знал, в чем дело. Арман Ляшом, тот самый, который позвонил в комиссариат, открыл мне дверь, услышав, что подъехала машина. У него был вид невыспавшегося человека. Не глядя на меня, он пробормотал: «Мой брат убит, господин комиссар». Затем он проводил меня сюда и указал на эту кровать. Я спросил его, когда это произошло, а он мне ответил, что не имеет ни малейшего представления. Я настаивал: «Вы были дома?» – «Конечно. Я спал у себя в комнате».
- Районный комиссар, казалось, был недоволен собой.
- Не знаю, как вам объяснить. Обычно, когда в какой-нибудь семье происходит подобная драма, все родственники находятся около убитого, одни плачут, другие пытаются что-то объяснить – в общем, ведут себя достаточно шумно. В данном же случае мне пришлось довольно долго выяснять, что, кроме этих двух мужчин, в доме находились и другие люди.
- Вы видели остальных?
- Только жену.
- Жену Армана Ляшома, который вам позвонил, не так ли?
- Да. Я услышал шорох в коридоре. Открыл дверь и увидел ее. Она выглядела такой же утомленной, как и муж. Ничуть не смутилась, увидев меня. Я спросил ее, кто она такая. Арман ответил за нее: «Это моя жена...» Я спросил, не слышала ли она какой-нибудь шум сегодня ночью, она ответила «нет» и объяснила, что обычно принимает на ночь снотворное – не помню уже какое, – так как страдает бессонницей...
- Кто обнаружил труп? Когда?
- Старуха-служанка в восемь сорок пять утра.
- Вы ее видели?
- Да, наверное, она сейчас на кухне. Я подозреваю, что она глуховата. Заметив, что старшего сына нет в столовой, где вся семья обычно собирается к первому завтраку, старуха отправилась сюда и постучала. Затем вошла, увидела и сообщила остальным.
- А что говорят старики?

– Молчат. Мать убитого наполовину парализована и смотрит в одну точку, как будто она не вполне нормальна. Отец же настолько подавлен, что не понимает, о чем его спрашивают. – Районный комиссар повторил: – Увидите сами!

Мегрэ обернулся к инспектору Жанвье:

– Сходи-ка взгляни.

Жанвье ушел, а Мегрэ наконец подошел к убитому, лежащему на левом боку, лицом к окну. Кто-то уже закрыл ему глаза. Над полуоткрытым ртом – темные с проседью усы. Его редкие волосы казались приклеенными ко лбу и вискам. Было трудно понять выражение его лица. По-видимому, он не успел ощутить боли. На лице его застыло изумление. Хотя, возможно, это выражение было вызвано полуоткрытым ртом и могло появиться уже после смерти.

В коридоре послышались шаги. Первым в комнату вошел помощник прокурора, с которым Мегрэ был давно знаком. Взглянув на убитого, он молча пожал руку Мегрэ. Секретарь суда также оказался старым знакомым, и Мегрэ приветствовал его кивком головы, но он никогда не встречал высокого молодого человека без шляпы и пальто, который вошел последним.

– Следователь Анжело...

Молодой человек протянул холеную сильную руку, руку теннисиста, и Мегрэ снова подумал о том, что новое поколение приходит ему на смену.

Правда, следом за ним в комнату ворвался старый доктор Поль. Он запыхался, но был, как всегда, возбужден, и на лице его было написано живейшее любопытство.

– Где мертвяк?

Мегрэ заметил, что серо-голубые глаза молодого следователя стали ледяными. Он нахмурился. Доктор Поль его явно шокировал.

– Фотографы уже закончили? – спросил доктор Поль.

– Еще не приходили. Но вот, кажется, и они. Теперь нужно было ждать, пока фотографы и эксперты оперативного отдела, которые заполнили комнату, закончат свою работу. Отведя Мегрэ в сторону, помощник прокурора спросил:

– Семейная драма?

– Говорят, что произошло ограбление.

– Никто ничего не слышал?

– Да, так они утверждают.

– А сколько человек было в доме?

– Подождите, я сосчитаю... Старики и служанка, уже трое... Мальчуган...

– Какой мальчуган?

– Сын убитого... Значит, четверо... Еще брат с женой. Итого шесть! Шесть человек, помимо убитого, и никто ничего не слышал...

Помощник прокурора подошел к косяку двери и провел рукой по обоям:

– Стены толстые, но все же!.. Нашли оружие?

– Не знаю... Районный комиссар ничего не сказал. Я жду, когда окончатся формальности, чтобы начать допрос...

Фотографы искали розетки, чтобы включить свою аппаратуру, и, не найдя их, были вынуждены вывернуть лампочку из люстры. Они суетились, ворчали, толкали друг друга, перекидываясь короткими фразами, а молодой следователь в сером костюме, похожий на студента-спортсмена, стоял неподвижно, не произнося ни одного слова.

– Как вы считаете, я могу уйти? – спросил районный комиссар. – Меня наверняка ждет целая куча народу. Я могу послать вам несколько полицейских агентов на случай, если около дома начнет собираться толпа зевак...

– Пожалуйста, буду вам благодарен...

– Может быть, вам понадобится один из моих инспекторов, знающих этот район?

– Конечно понадобится, только позднее. Я вам позвоню. Еще раз спасибо.

Уходя, районный комиссар повторил:

– Сами увидите!

Помощник прокурора спросил шепотом:

– Что вы должны увидеть?

Мегрэ ответил:

– Семейство... Все окружение покойного... Около убитого никого не было, когда приехал районный комиссар... Все сидели по своим комнатам или в столовой. Никто до сих пор не подает признаков жизни. Их не слышно.

Помощник прокурора оглядел мебель, обои, покрытые пятнами сырости, зеркало над камином, на котором виднелись следы, оставленные несколькими поколениями мух.

– А меня это ничуть не удивляет...

Фотографы ушли первыми, и в комнате стало свободнее. Доктор Поль приступил к беглому осмотру трупа, пока эксперты искали отпечатки пальцев и обыскивали комнату.

– В котором часу он умер, доктор?

– Я смогу это сказать более точно после вскрытия, но, во всяком случае, он был убит добрых шесть часов тому назад.

– Наповал?

– Выстрелом в упор... Входное отверстие величиной с блюдечко. Вокруг раны следы ожога...

– А пуля?

– Я найду ее во время вскрытия, так как она застряла в грудной клетке. Это дает основание предполагать, что стреляли из револьвера малого калибра.

Руки доктора были в крови, он подошел к умывальнику, но кувшин оказался пустым.

– Так. Но где-нибудь должен же быть кран...

Кто-то открыл дверь. Младший брат убитого Арман Ляшом стоял в коридоре. Он молча провел Поля в обветшалую ванную комнату, посередине которой возвышалась допотопная ванна на высоких выгнутых ножках; из кранов капала вода, очевидно уже много лет, потому что на эмали виднелись темно-коричневые следы.

– Я вас оставляю, Мегрэ, работайте, – сказал со вздохом помощник прокурора и обернулся к новому следователю. – Я возвращаюсь в прокуратуру.

Следователь пробормотал:

– Простите, что я не могу вас сопровождать. Я остаюсь.

Мегрэ вздрогнул и чуть не покраснел, увидев, что молодой чиновник это заметил. Следователь поспешно добавил:

– Не сердитесь, господин комиссар. Вы же знаете, что я только дебютант. Для меня это возможность многому научиться.

Не звучала ли легкая ирония в его голосе? Он был вежлив, даже слишком вежлив. И абсолютно холоден, несмотря на свое внешнее дружелюбие.

Да, это, безусловно, был представитель новой школы, из тех, которые полагают, что следователь прокуратуры должен с начала до конца вести следствие и что роль комиссара сыскной полиции сводится только к тому, чтобы выполнять его приказания.

Жанвье, стоявший в дверях и слышавший весь разговор, обменялся с Мегрэ красноречивым взглядом.

Глава 2

Мегрэ никак не удавалось скрыть свое дурное настроение, и он приходил в бешенство при мысли, что следователь это заметил и, конечно, считает, что причиной раздражения Мегрэ является его присутствие, а это было правдой лишь наполовину. Ведь еще утром на бульваре Ришар-Ленуар история с шарфом вызвала у него множество мрачных мыслей. Этот Анжело такой свеженький, такой энергичный, казалось, только что соскочил со школьной скамьи. Может быть, он необыкновенная личность, один из тех людей, которых можно пересчитать по пальцам в каждом поколении, или же ему протезируют какие-то влиятельные лица, иначе вместо назначения в Париж он прозябал бы долгие годы в какой-нибудь провинциальной дыре. Когда помощник прокурора представлял их друг другу, молодой чиновник ограничился рукопожатием настолько крепким, что оно могло показаться дружеским, но при этом не сказал ни одного слова из тех, к которым так привык комиссар Мегрэ. Конечно, он не мог сказать, как говорили старые коллеги: «Весьма рад встретиться с вами». А иные смущенно бормотали: «Счастливы снова работать с вами».

Трудно было представить, что Анжело никогда не слышал о нем. Однако он не проявил ни уважения, ни интереса. Было ли это нарочитым стремлением показать Мегрэ, что его популярность не производит на молодого человека впечатления? Или это было просто отсутствием любопытства, непритворным равнодушием представителя нового поколения?

По взглядам, которые бросал на него молодой следователь, Мегрэ решил, что, возможно, это просто юношеская застенчивость или известная деликатность. И это смущало его еще больше, чем равнодушие. Он чувствовал, что за ним наблюдают, и пытался сохранить спокойствие. Он негромко сказал Жанвье:

– Займись пока «рутиной».

Обоим было ясно, что за этим скрывается.

Затем он повернулся к Арману Ляшому. Тот был небрит и без галстука.

– Я полагаю, что здесь найдется комната, где нам будет удобнее поговорить? – И добавил, снова ощутив промозглую сырость воздуха: – Желательно, чтобы она была протопленной...

Дотронувшись до старомодного калорифера, он убедился, что центральное отопление выключено.

Арман Ляшом не пытался быть любезным. Он помолчал, как будто что-то взвешивая, а потом устало опустил плечи и покорно сказал:

– Пройдемте сюда.

Не только в атмосфере дома, но и в поведении его хозяев чувствовалось нечто странное. Как уже заметил комиссар Иври, вместо рыданий, суматошной беготни, сбивчивых рассказов были слышны только приглушенные шаги, видны приоткрытые двери, за которыми скрывались люди, следящие за каждым шагом представителей сыскной полиции.

В слабо освещенном коридоре Мегрэ заметил в узкой щели приоткрытой двери темные волосы, блестящие глаза и стройную фигуру какой-то женщины.

В холле второго этажа Арман Ляшом повернул налево и толкнул дверь в старомодную гостиную, где около железной печки сидели двое стариков.

Сын не сказал ни слова, даже не представил вошедших. Отцу можно было дать не меньше семидесяти пяти лет, а может быть, и все восемьдесят. В отличие от Армана он был свежевыбрит, в чистой рубашке и черном галстуке.

Он поднялся с большим достоинством и спокойствием, как будто бы председательствовал на каком-то заседании, поклонился и обернулся к жене, которая, по-видимому, была его ровесницей. Половина ее лица была парализована, и неподвижный глаз казался стеклянным.

Старик помог ей подняться, и оба безмолвно вышли в другую дверь.

Вероятно, это была та самая гостиная, где обычно собиралась вся семья, это чувствовалось по расположению мебели, по вещам, разбросанным повсюду. Мегрэ сел и повернулся к следователю Анжело:

– Вы хотите что-либо спросить?

– Прошу вас, спрашивайте сами.

Следователь остался стоять, прислонившись к косяку двери.

– Я попрошу вас сесть, месье Ляшом, – продолжал Мегрэ.

С таким же успехом он мог бы обратиться к стенке. Все вокруг казалось призрачным, реальным был только дождь за окном, который шел не переставая.

– Расскажите, пожалуйста, все, что вы знаете.

– Я ничего не знаю.

Голос был тусклым и монотонным. Арман смотрел в сторону, избегая взгляда Мегрэ.

– Покойный был вашим старшим братом, не так ли?

– Да, это мой брат Леонар, я уже говорил об этом вашему коллеге.

– Кондитерская фабрика еще существует?

– Конечно.

– Кто ею управлял? Он?

– Председателем правления является наш отец.

– Но кто фактически управлял фабрикой?

– Мой брат.

– А вы?

– Я занимаюсь выдачей материалов и экспедицией.

– Ваш брат давно овдовел?

– Восемь лет тому назад.

– Вы были в курсе его личной жизни?

– Он всегда жил здесь, вместе с нами.

– Тем не менее я полагаю, что вне этого дома у него могла быть личная жизнь, друзья, приятельницы, знакомые.

– Не знаю.

– Вы заявили районному комиссару, что исчез бумажник.

Арман кивнул.

– Какая сумма могла находиться в этом бумажнике?

– Не знаю.

– Большая сумма?

– Не знаю.

– Ваш брат имел привычку хранить деньги, ну, например, несколько тысяч франков, у себя в комнате?

– Не думаю.

– Скажите, это он распоряжался фондами вашего предприятия?

– Он и бухгалтер.

– Где находится этот бухгалтер?

– Полагаю, что внизу.

– Куда помещали поступающие суммы?

– В банк.

– Каждый день?

– Деньги не поступают каждый день.

Мегрэ сделал усилие, чтобы оставаться спокойным и учтивым под равнодушным взглядом молодого чиновника.

– Но в конце концов, деньги держали в каком-нибудь месте...

- В сейфе.
- Где находится сейф?
- На первом этаже, в кабинете брата.
- Сейф был взломан сегодня ночью?
- Нет.
- Вы проверяли?
- Да.
- Вы считаете, что убийца вашего брата пробрался в дом с намерением обокрасть его?
- Да.
- Неизвестный, которого он никогда в глаза не видел?
- Да.
- Сколько рабочих на вашей фабрике?
- Сейчас около двадцати человек. Было время, когда у нас работало больше ста.
- Вы их всех хорошо знаете?
- Да.
- Вы никого из них не подозреваете?
- Нет.
- Сегодня ночью вы ничего не слышали, несмотря на то что ваша комната находится всего в нескольких шагах от комнаты вашего брата Леонара?
- Я ничего не слышал.
- Вы крепко спите?
- Возможно.
- Так крепко, что вас не смог разбудить даже выстрел, произведенный в десяти шагах от вас?
- Не знаю.
- В эту минуту раздался глухой шум, и дом, несмотря на свои крепкие стены, буквально задрожал. Мегрэ встретился взглядом с молодым следователем.
- Это поезд?
- Да. Железная дорога проходит рядом с домом.
- А ночью проходит много поездов?
- Я не считал. Около сорока, наверное, особенно много проходит товарных составов, очень длинных.
- В дверь постучали. Это был Жанвье, который сделал Мегрэ знак, что хочет что-то сказать.
- Входи. Что случилось?
- Я нашел во дворе лестницу, лежащую в нескольких метрах от стены. Обнаружены следы на карнизе окна – в том месте, где ее прислоняли.
- Какого окна?
- Окна в холле, рядом с этой гостиной. Оно выходит во двор. Лестница, по-видимому, недавно была приставлена к окну, часть стекла выдавлена, предварительно его натерли мылом.
- Вы знали об этом, месье Ляшом?
- Да, я сам обнаружил это.
- Почему же вы мне ничего не сказали?
- Я не успел.
- Где обычно находится эта лестница?
- Рядом со складом, во дворе, налево.
- Она была там и вчера вечером?
- По всей вероятности. Она должна была там находиться.
- Разрешите?

Мегрэ вышел из комнаты не только для того, чтобы взглянуть самому: ему хотелось передохнуть и набить трубку. В холле было два окна, одно выходило на набережную, другое, находящееся напротив, – во двор. Одно из стекол этого окна было разбито, на полу лежали осколки.

Он распахнул окно и заметил на сером камне карниза светлые следы от лестницы.

Взглянув в окно, он убедился, что Жанвье был прав: действительно, лестница лежала во дворе, замощенном булыжником. Из высокой фабричной трубы поднимался легкий дымок. В окне левого строения можно было разглядеть силуэты женщин, склонившихся над длинным столом.

Мегрэ уже собрался вернуться в гостиную, когда услышал шум открывающейся двери и увидел женщину в голубом халате.

– Разрешите, мадам, попросить вас зайти на минуту в гостиную.

Женщина как будто заколебалась, потом ту же завязала пояс халата и сделала шаг вперед.

Она была молода. Ее ненакрашенное лицо слегка блестело.

– Войдите, пожалуйста. – И, повернувшись к Арману Ляшому, Мегрэ добавил: – Я полагаю, что это ваша жена?

– Да.

Супруги даже не взглянули друг на друга.

– Садитесь, мадам.

– Благодарю вас.

– Вы тоже ничего не слышали сегодня ночью?

– Я каждый вечер перед сном принимаю снотворное.

– Когда вы узнали о смерти вашего шурина?

Она смотрела прямо перед собой, как будто вспоминая.

– Я не поглядела на часы.

– Где вы находились?

– У себя в комнате.

– У вас общая комната с мужем?

Она снова заколебалась.

– Нет.

– Ваша комната выходит в коридор, почти напротив комнаты вашего шурина?

– Да. По правой стороне коридора две комнаты: моя и моего мужа.

– С каких пор у вас отдельные спальни?

Арман Ляшом кашлянул и, повернувшись к следователю, все еще стоящему у дверей, произнес нерешительно, голосом робкого человека, вынужденного сделать над собой усилие:

– Я сомневаюсь, что комиссар имеет право задавать вопросы, касающиеся нашей личной жизни. Мой брат был убит сегодня ночью с целью ограбления, а нас все время расспрашивают только о том, что мы делали сегодня ночью.

Тень улыбки скользнула по лицу следователя Анжело.

– Я полагаю, что комиссар Мегрэ задает вам подобные вопросы как свидетелям...

– Я не люблю, когда беспокоят мою жену, и я не желаю, чтобы ее вмешивали в это дело.

Он сердился, как все застенчивые люди, которые редко высказывают свои чувства.

Мегрэ сказал мягко:

– Кто был главой вашей семьи, месье Ляшом?

– Какой семьи?

– Скажем, всех тех, кто живет в этом доме.

– Это касается только нас самих. Не отвечайте ему больше, Полет.

Мегрэ отметил про себя, что он не говорит жене «ты», но, возможно, так принято в определенном кругу, часто именно в этом и выражается снобизм.

– Если вы будете продолжать в том же духе, то вы еще, пожалуй, начнете допрашивать моих родителей, затем служащих и рабочих фабрики...

– Да, конечно, я собираюсь это сделать.

– Мне неизвестны в точности ваши права...

– Я могу вам дать разъяснение по данному вопросу, – вмешался следователь Анжело.

– Благодарю вас, но я предпочитаю продолжить этот разговор в присутствии нашего адвоката. Надеюсь, мне будет позволено вызвать его?

Следователь ответил не сразу:

– Ни один параграф закона не запрещает присутствия вашего адвоката. Но я еще раз позволю себе напомнить вам, что вы и члены вашей семьи допрашиваетесь в качестве свидетелей и что в подобных случаях обычно не принято вызывать адвоката, так как...

– Мы не будем больше отвечать, пока он не придет.

– Как вам будет угодно.

– Я ему немедленно позвоню.

– Где у вас телефон?

– В столовой.

Столовая помещалась в соседней комнате, и, когда Ляшом открыл дверь, все увидели стариков, сидящих у камина, в котором слабо горел огонь. Решив, что в столовую снова войдут чужие люди, старики хотели подняться и скрыться в глубине дома, но Арман Ляшом быстро прикрыл за собой дверь.

– Ваш супруг, мадам, по-видимому, очень потрясен случившимся.

Она сурово взглянула на комиссара:

– Это вполне естественно, вам не кажется?

– Братья были близнецами?

– Между ними семь лет разницы.

Тем не менее братья были очень похожи, даже усы, тонкие и длинные, были у них одинаковые. Из соседней комнаты доносился шум голосов. Следователь Анжело не выражал ни признаков нетерпения, ни желания сесть.

– У вас нет никаких подозрений, никаких мыслей о том, кто...

– Мой муж уже заявил, что мы не будем отвечать на ваши вопросы, пока не придет наш адвокат.

– А кто ваш адвокат?

– Спросите об этом моего мужа.

– У вашего мужа есть еще братья или сестры?

Она взглянула на него и не ответила. И все же она была совершенно непохожа на остальных членов семьи. Чувствовалось, что в других условиях она могла быть красивой и желанной, в ней как бы затаилась жизненная сила, которую она вынуждена была подавлять.

Странно было видеть ее в этом доме, где все говорило о минувших временах и давно прошедшей жизни.

Арман Ляшом вернулся в гостиную. И снова позади него мелькнули у камина лица двух стариков, похожих на восковые фигуры.

– Адвокат будет здесь через несколько минут.

Он вздрогнул, услышав на лестнице тяжелые шаги. Мегрэ его успокоил.

– Это пришли за телом, – сказал он. – Прошу простить, но господин следователь может вам объяснить, что таков закон и что необходимо транспортировать убитого в патолого-анатомический институт для вскрытия.

Занятно, что родственники как будто не испытывали никакого горя, только какую-то подавленность, беспокойство и оцепенение.

Множество раз за свою долгую практику Мегрэ оказывался в подобных же обстоятельствах, когда ему приходилось врывать в жизнь людей, в доме которых произошло преступление. Но ни разу он не испытывал подобного ощущения нереальности всего происходящего.

Ко всему этому добавился еще молодой следователь, представитель другого поколения, который ходил за ним буквально по пятам.

– Пойду погляжу, – пробормотал Мегрэ, – надо отдать кое-какие распоряжения...

На самом деле ему не надо было давать никаких распоряжений, никаких советов, ибо люди, пришедшие с носилками, хорошо знали свое дело. Мегрэ ограничился тем, что на мгновение приподнял простыню, прикрывавшую лицо убитого, и взглянул на него еще раз.

Он заметил боковую дверь, открыл ее и очутился в пыльной неприбранной комнате, которая, по-видимому, была рабочим кабинетом покойного Леонара Ляшом.

Жанвье, который стоял наклонившись над письменным столом, вздрогнул от неожиданности:

– Ах, это вы, патрон...

Он открывал один за другим ящики старинного бюро.

– Что-нибудь нашел?

– Нет. Мне не нравится эта история с лестницей.

Мегрэ она тоже не нравилась. У него не было еще возможности побродить по дому и вокруг него, но тем не менее в этой истории с лестницей было нечто странное.

– Понимаете, – продолжал Жанвье, – ведь прямо под окном находится застекленная дверь, в которой выбито одно стекло. Войдя в эту дверь, можно легко пробраться сюда. Таким образом, грабителю не было никакой необходимости разбивать стекло в окне, так как в дверях вместо него был уже давно прибит картон. Зачем было тащить через весь двор такую тяжелую лестницу...

– Понимаю.

– Он будет привязываться до конца?

«Он» – это был, конечно, следователь Анжело.

– Не знаю. Вполне возможно.

На этот раз они оба вздрогнули, так как на пороге комнаты неожиданно появилась маленькая старушонка, почти горбатая, которая мрачно и злобно смотрела на них.

Безусловно, это была та самая старая служанка, о которой рассказывал районный комиссар. Ее взгляд скользнул по их лицам, по выдвинутым ящикам, разбросанным бумагам. Наконец она пробормотала, явно сдерживаясь, чтобы не разразиться проклятиями:

– Комиссара Мегрэ ожидают в гостиной.

Жанвье спросил вполголоса:

– Мне продолжать, патрон?

– При данных обстоятельствах я и сам не знаю. Делай что хочешь.

Мегрэ последовал за горбуньей. Она открыла ему дверь в гостиную, где уже находилось новое лицо. Незнакомец представился:

– Мэтр Радель...

Не начнет ли он говорить о себе в третьем лице?

– Очень приятно, мэтр.

Еще один молокосос, правда постарше следователя Анжело. В этом старомодном доме, принадлежавшем прошлому веку, Мегрэ ожидал встретить иного адвоката, старого нечистоплотного сутягу.

Раделю никак нельзя было дать больше тридцати пяти лет, и он был почти так же подтянут и выхолен, как и следователь Анжело.

– Господа, мне известно лишь то, что месье Арман Ляшом счел необходимым сообщить мне по телефону, и посему я прежде всего прошу извинения за реакцию моего клиента. Попы-

тавшись представить себя на его месте, вы его, безусловно, поймете. Я пришел сюда скорее в качестве друга, чем адвоката. Для того чтобы рассеять это недоразумение, заявляю, что Арман Ляшом очень плохо себя чувствует. Смерть его брата, бывшего душой этого дома, глубоко потрясла его, и нет ничего удивительного, что, будучи не знакомым с работой полиции, он уклонился от некоторых вопросов.

Мегрэ вздохнул, как бы набираясь терпения, и зажег потухшую трубку.

– Следовательно, я буду присутствовать по просьбе месье Ляшом при дальнейшем допросе, который вам угодно будет вести, но я настаиваю на том, чтобы мое присутствие не воспринималось как стремление данного семейства занять оборонительную позицию.

Он взглянул на следователя, затем на комиссара.

– Кого вы желаете допрашивать?

– Мадам Ляшом, – сказал Мегрэ, указывая на молодую женщину.

– Я только попрошу вас не упускать из виду, что мадам Ляшом так же глубоко потрясена, как и ее супруг.

– Мне хотелось бы допросить каждого из свидетелей в отдельности.

Арман Ляшом нахмурился. Мэтр Радель прошептал ему что-то на ухо, и тогда он наконец решился выйти из комнаты.

– Скажите, мадам, не получал ли ваш шурина в последнее время каких-либо угрожающих писем?

– Конечно нет.

– Он вам бы рассказал?

– Полагаю.

– И вам, и всем остальным членам семьи?

– Он бы сказал нам всем.

– И своим родителям тоже?

– Возможно, нет, считаясь с их преклонным возрастом.

– Следовательно, он рассказал бы об этом только вам и вашему мужу.

– Я считаю это вполне естественным.

– Отношения между обоими братьями были дружескими, родственными?

– Очень дружескими и очень родственными.

– А с вами?

– Я не понимаю, что вы хотите этим сказать.

– Какой характер носили ваши отношения с шурином?

– Простите за то, что я прерываю вас, – вмешался мэтр Радель, – но этот вопрос задан в такой форме, что может показаться тенденциозным. Я надеюсь, месье Мегрэ, что вы не имели намерения инсинуировать...

– Я ничего не инсинуирую. Я только спрашиваю, были ли отношения между мадам Ляшом и ее шурином дружескими?

– Конечно, – сказала она.

– Нежными?

– Как во всех семьях, я думаю...

– Когда вы видели его в последний раз?

– Но... сегодня утром...

– Вы хотите сказать, что сегодня утром вы видели его мертвым в его комнате?

Она кивнула.

– Когда вы его видели в последний раз живым?

– Вчера вечером.

– В котором часу?

Невольно она бросила быстрый взгляд на адвоката.

- Было приблизительно половина двенадцатого ночи.
- Где вы его видели?
- В коридоре.
- В том самом коридоре, куда выходят двери и вашей, и его комнаты?
- Да.
- Вы шли из этой гостиной?
- Нет.
- Вы были вместе с мужем?
- Нет. Я вернулась одна.
- Ваш муж оставался дома?
- Да. Он мало выезжает. В особенности с тех пор, как он чуть не умер от плеврита. У него всегда было слабое здоровье...
- Когда вы уехали из дома?
- Она спросила адвоката:
- Я должна отвечать?
- Советую вам это сделать, несмотря на то что данный вопрос, как и другие, касается вашей личной жизни и, совершенно очевидно, не имеет никакого отношения к имевшей место драме.
- Я вышла из дома около шести часов.
- Вечера?
- Совершенно ясно, что не в шесть часов утра.
- Возможно, ваш адвокат разрешит вам рассказать, что вы делали до половины двенадцатого ночи?
- Я обедала в ресторане.
- Одна?
- Это мое дело.
- А после обеда?
- Была в кино.
- В районе вашего дома?
- Нет. На Елисейских Полях. Когда я вернулась, в доме было уже темно, во всяком случае со стороны набережной. Я поднялась по лестнице, вошла в коридор и увидела, как дверь в комнату моего шурина открылась.
- Он ждал вас?
- Не вижу к тому оснований. У него была привычка очень поздно читать в маленьком кабинете рядом с его спальней.
- Он вышел из этого кабинета?
- Нет, из спальни.
- Как он был одет?
- В халате. В пижаме и в халате. Он сказал: «А! Это вы, Полет...» Я ответила: «Добрый вечер, Леонар». Вот и все.
- Затем каждый из вас вернулся к себе?
- Да.
- Вы еще разговаривали с вашим мужем?
- Мне не о чем было с ним говорить.
- Ваши спальни сообщаются?
- Да. Но смежная дверь почти всегда закрыта.
- На ключ?
- Адвокат немедленно вмешался:
- Я считаю, господин комиссар, что вы превышаете...

Молодая женщина устало пожала плечами.

– Нет, не на ключ, – бросила она презрительным тоном.

– Следовательно, вы не видели вашего мужа?

– Нет. Я разделась и сразу легла.

– У вас отдельная ванная комната?

– Дом старый. В нем только одна ванная на каждом этаже, в конце коридора.

– Вы ходили туда?

– Конечно. Вам нужны еще подробности?

– Вы не заметили, горел ли еще свет в комнате вашего шурина?

– Я видела свет под его дверью.

– Вы ничего не слышали?

– Ничего.

– Ваш шурина посвящал вас в свои секреты?

– Это зависит от того, что вы называете секретами.

– Случается, что мужчина предпочитает рассказать некоторые вещи женщине, а не своему брату или, например, своим родителям. Невестка одновременно является и родственницей и посторонней.

Она слушала его, не выражая нетерпения.

– Не рассказывал ли вам Леонар Ляшом, овдовевший несколько лет тому назад, о своих любовных связях?

– Я даже не знаю, были ли они у него.

– Он часто уходил из дому?

– Очень редко.

– Вы знаете, куда он ходил?

– Это меня не касалось.

– Мне сказали, что его сыну двенадцать лет.

– Ему исполнилось двенадцать месяцев тому назад.

– Леонар Ляшом лично занимался его воспитанием?

– Не больше и не меньше, чем все занятые делами отцы. Леонар очень много работал, ему случалось после обеда уходить снова на фабрику.

– Ваша свекровь почти парализована.

– Она ходит только с палкой, и кто-нибудь должен поддерживать ее на лестнице.

– Ваш свекор тоже не слишком подвижен?

– Ему семьдесят восемь лет.

– Служанка, насколько я заметил, тоже не очень проворна. Если я верно понял, то ребенка все же поместили вместе с этими тремя стариками в левом крыле третьего этажа.

Она сказала:

– Жан Поль...

Спохватившись, она замолчала.

– Вы хотели сказать, что Жан Поль, ваш племянник...

– Я не помню, что я хотела сказать.

– С какого времени он спит на третьем этаже?

– Недавно.

– Год?.. Месяц? Неделю?..

– Около недели.

Мегрэ был уверен, что это вырвалось у нее произвольно, адвокат также это заметил и немедленно вмешался:

– Я удивляюсь, господин комиссар, неужели вы не могли получить эти сведения от других лиц. Мадам Ляшом пережила сегодня утром большое потрясение, и ей даже не дали возможности закончить свой туалет. Я считаю, что ее муж более подходит для...

– Во всяком случае, мэтр Радель, я закончил допрос, по крайней мере на сегодня. Если, конечно, у господина следователя нет к ней дополнительных вопросов.

Следователь отрицательно покачал головой.

– Простите, что я задержал вас, мадам...

– Вы хотите, чтобы я прислала вам мужа?

– Несколько позже. Я хочу сначала кратко допросить вашу старую служанку. Ее зовут...

– Катрин. Она больше сорока лет работает в доме, и ей почти столько же лет, как родителям моего мужа. Я посмотрю, не на кухне ли она.

Полет вышла из комнаты. Адвокат хотел что-то сказать, но сразу же раздумал и закурил сигарету, предварительно постучав ею по серебряному портсигару.

Он предложил сигарету следователю Анжело, но тот отказался:

– Благодарю. Я не курю.

Мегрэ, которому очень хотелось пить, но не хотелось ничего в этом доме просить, торопился как можно скорее уйти.

Прошло довольно много времени, прежде чем они услышали шаркающие шаги и какое-то царапанье за дверью.

– Войдите.

Вошла старая Катрин. Она обвела их еще более мрачным, чем прежде, взглядом и вызывающим тоном произнесла:

– Что вам от меня нужно? Кроме того, если вы будете так дымить по всему дому, у месье Феликса снова будет приступ астмы.

Что было делать? Под ироническим взглядом следователя Мегрэ со вздохом положил трубку на столик.

Глава 3

Более чем когда-либо смущенный поведением следователя и присутствием адвоката, нетвердым голосом, как бы нащупывая почву, Мегрэ спросил:

– Мне сказали, что вы живете в этом доме уже лет сорок?

Он хотел задобрить ее, доставить ей удовольствие. Но в ответ она злобно взвизгнула:

– Кто же это вам сказал?

В ту минуту, когда Мегрэ подумал, что роли переменялись и теперь он обязан отвечать на ее вопросы, старуха заявила:

– Всего не сорок, а все пятьдесят лет, как я в доме. Я поступила сюда, когда моей бедной хозяйке было всего двадцать лет и она ожидала ребенка – месье Леонара.

Мегрэ быстро сосчитал в уме: старой мадам Ляшом казалось на вид столько же лет, сколько ее мужу, а на самом деле ей всего семьдесят! Как выглядел дом в те времена, когда Катрин, молоденькая служанка, приехавшая прямо из деревни, вошла в него, а ее молодая хозяйка ждала первого ребенка?

Нелепые мысли одолевали Мегрэ. В ту эпоху, наверное, были еще живы родители старого Ляшома... На медной дощечке, прикрепленной к двери, он прочел: «Фирма основана в 1817 году». Значит, вскоре после битвы под Ватерлоо. Возможно, что некоторые предметы обстановки до сих пор стоят на тех же местах – скажем, этот диван в стиле ампир. Каким бы он был красивым, если бы его не обили потом кричащим голубым бархатом!

В мраморном камине пылали тогда толстые поленья. Позже были установлены калориферы, которые теперь не работали – то ли из-за экономии, то ли потому, что котел был в неисправности.

Печка просто гипнотизировала его – маленькая круглая печурка из проржавевшего железа. Точно такие печки можно было увидеть в прежние времена на деревенских полустанках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.